

Роман Бобрык

Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце
roman.bobryk@uph.edu.pl

Roman Bobryk

Siedlce University of Natural Sciences and Humanities
roman.bobryk@uph.edu.pl

«В РОССИИ ВСЕ КОНЧАЕТСЯ ПОПОЙКОЙ...»
АЛКОГОЛЬ И НЕТРЕЗВОСТЬ В ПОЭЗИИ ЛЬВА ЛОСЕВА
(НАБРОСКИ К ТЕМЕ)

“IN RUSSIA, EVERYTHING ENDS IN DRUNKENNESS...”
ALCOHOL AND DRUNKENNESS IN THE POETRY
OF LEV LOSIEV (TOPIC NOTES)

Лев Лосев (1937–2009) эмигрировал в США в 1976 году. Первые два тома его стихов были изданы в эмиграции, а последующие тома с 1988 года издавались в России. Поэзия Лосева написана без вмешательства цензуры, поэтому многие проблемы обсуждаются открыто. Первые сборники стихов Лосева ярко указывают на проблемы быта советской России, в том числе на повсеместное пьянство в русской культуре. Лосев, поэт, причисляемый к так называемой «филологической школе», рассказывает об этом через цитаты и аллюзии на классиков русской литературы.

Ключевые слова: Лев Лосев, русская поэзия XX века, мотив пьянства, алкоголь — мотив.

Lev Loseff (1937–2009) emigrated to the USA in 1976. His first two volumes of poetry were published in exile, while subsequent volumes were published in Russia from 1988 onwards. Loseff's poetry was written without interference from the censors, and thus many problems are discussed explicitly. Loseff's first volumes of poetry clearly indicate the problems of everyday life in Soviet Russia, including the omnipresent drunkenness in Russian culture. Loseff, a poet counted among the so-called 'philological school', talks about it through quotations and allusions to the classics of Russian literature.

Key words: Lev Loseff, russian poetry of 20th century, drunkenness theme, alcohol theme.

Skulptūra girtas restoranas Prie Angelo
(Užupis, Vilnius, Lietuva) —

Скульптура пьяницы у входа в ресторан
У Ангела (район Ужупис, Вильнюс, Литва)

Лев Лосев (1937–2009) эмигрировал в США в 1976 г. С 1979 г. преподавал русскую литературу в Дартмутском колледже в штате Нью-Гемпшир. Два первых сборника стихов Лосева (*Чудесный десант* (1984) и *Тайный советник* (1987)) вышли в США, очередные же с 1988 года выходили в России (большинство из них в родном городе поэта — Санкт-Петербурге).

Поэзия Лосева писалась без учета цензуры, поэтому о многих проблемах в ней говорится прямо. Первые тома стихов ярко показывают типичные проблемы жителей СССР. А среди них — проблему алкоголизма. Неслучайно один из циклов стихотворений дебютного тома Лосева называется *Памяти водки*. В нескольких стихотворениях, вошедших в состав этого цикла, как будто мимоходом и чисто обыденным языком говорится о повсеместном пьянстве, об алкоголе, который является неотъемлемым элементом любого празднования и просто выходных дней в советской действительности. Алкоголь — это обязательная и неизбывная составная «часть» всяких праздников (см. в стихотворении *М*: «Конечно, праздник — пьянка и расход»¹), но с другой стороны его употребляют и как своеобраз-

¹ В продолжении этой строфы дается описание выше упоминаемого праздника:

Конечно, праздник — пьянка и расход:
летят шары, надуты перегаром,

ное средство (лекарство) против всяческих огорчений и проблем повседневной жизни. В мире стихотворений того времени пьянство начинается с самого утра. Так поступает, например, лирический субъект в стихотворении «Слегка заплетаясь», который свое пьянство не без иронии приписывает побеждающему его Бахусу:

Бог, рожденный из бедра,
победил меня сегодня
прямо с самого утра.

(Лосев 2013: 96)

В заключении стихотворения (в котором авторское «я» рассказывает, как в дождливый день «пьет водку и варит телятину» (Лосев 2013: 96, примечание **)) автор еще раз употребляет перифрастическое и ироническое определение алкоголя (а точнее — сорокоградусной водки):

В нем награда за труды:
на две пятых — бог забвенья,
на три пятых — бог воды.

По всей вероятности, именно возможность забвения/забытья (пусть и временного) является привлекательным свойством водки/алкоголя, хотя неизбежным последствием пьянства считается похмелье.

Тема алкоголя наличествует и в других томах поэзии Лосева. В них заметна диспропорция: гораздо больше говорится об алкоголе в стихах, связанных с русской тематикой, чем в тех, которые относятся к эмигрантским проблемам лирического «я». Шутя, позволительно досказать, что в связи с этими географическими и культурными условиями упоминаются совсем разные виды алкоголей: в «русских» стихах упоминаются в первую очередь пиво и водка, а герой-субъект постоянно находится в похмелье, в «зарубежных» — виски и коньяк. Заметно и то, что в случае первых (т. е. «русских») ничего не говорится на счет социального статуса героев, тем временем как в «западных» он профессор или славист...

В своих стихотворениях Лосев, поэт причисляемый к т. н. (петербургской) «филологической школе» русской поэзии (см. например Кулле 2005: 5 и след.; Корчагин), очень часто употребляет иронию и пародию, а «Стихи Лосева полны аллюзий из русской литературы всех веков, открытых или скрытых цитат» (Казак 1996: 238). Отсюда и поэзия автора *Тайного советника* считается во многом полифонической: поэт как будто разделяет мнения между говорящим от имени автора лирическим субъектом, литератур-

и вся Москва под красным пеньюаром
корячится. Но это же раз в год. (Лосев 2013: 27)

Из заключения строфы может следовать, будто все происходящие дела имеют лишь исключительный характер, но, с другой стороны, знание реалий жизни в Советском Союзе подсказывает, что такая уникальность/чрезвычайность относится только к «декоративному»/визуальному аспекту праздника.

ными персонажами и цитируемыми авторами. Причем Лосев не только модифицирует заимствованные фразы, но и смешивает в кратком высказывании прямые и скрытые цитаты (аллюзии) из текстов авторов разных времен. В итоге получаются такие сложные коммуникационные ситуации, как в случае стихотворения *24 апреля 1903 года* (из сборника *Тайный советник* (1987)), где Каллиопов², один из трех персонажей стихотворения, смотря в окно, читает «уездной типографии петит»:

в России все кончается попойкой,
трактирной стойкой,
больничной койкой,
никто не управляет Русью-Тройкой,
ах, господа, куда она летит?

(Лосев 2013: 195)

Приведенный отрывок присутствует в стихотворении Лосева как текст в тексте, что можно в определенных условиях рассматривать как своего рода метатекст для всего произведения. Не буду здесь обсуждать отношений между процитированным пассажем и всем текстом стихотворения. Вместо того хотелось бы обратить внимание на его (т. е. отрывка) интертекстуальные сложности и общую тематику. Начнем с последнего.

Отрывок дан как текст за окном и как «уездной типографии петит». Текст за окном — Русь-реальность, с длительной историей («уездная Русь», нынче называемая глубинкой). Эта законная картина — текст-петитна, что читается многократно: петит, мелкая печать, свойственный Лосеву графический знак опьянения смотрящего, но заодно и знак пронизательности пьяного ума, способного видеть истину-откровение [типа *in vino veritas*]; кроме того, это и знак правдивого, но скрываемого содержания, которое в советских учебниках печаталось петитом, мелким шрифтом; так вводились сведения необязательные, официально нежелательные и особо не разглашаемые.

Начинается же этот законный вид (видение-истина, отрывок, цитата, внутреннее озарение?), с почти философского обсуждения, касающегося распространенного в России алкоголизма («в России все кончается попойкой»), а две последние строки можно рассматривать как выражение озабоченности за судьбу родины, погружающейся в алкогольный хаос. С другой же стороны, поскольку вся эта часть высказывания как будто «взята в кавычки», ее статус неоднозначен и ее можно считать или высказыванием всерьез, или же иронией.

² Фамилия героя, так же как и двух его товарищей (Тер-Психорян и Эратов) создано от имени мифической музы эпической поэзии, науки и философии — Каллиопы (Тер-Психорян же от имени Терпсихоры — древнегреческой музы танца, а Эратов — от имени Эрато — музы любовной поэзии). Антиклизированные имена, конечно, саркастичны, и пунктирно отражают как доморощенность амбиций их опьяненных воспаленных умов, так и типичное для пьяных стремление философствовать, приплясывать и объясняться в любви или просто выяснять отношения).

В предложении, предшествующем цитируемому отрывку, говорится, что почтовый служащий цитирует отрывок из стихотворения Пушкина «Погасло дневное светило...» (хотя на самом деле текст этого стихотворения тут не приводится). Но в самом «отрывке» можно найти аллюзии и почти прямые цитаты из других произведений русской классики. Мотив мчащейся в неизвестном направлении тройки приводит на мысль тройку из *Мертвых душ* Гоголя. Тем более, что в гоголевском тексте происходит сравнение (выстраивается аналогия) между мчащейся тройкой и Русью/Россией³. Но в случае нашего «отрывка» имеется дело с противоположной чем у Гоголя оценкой. В высказывании повествователя *Мертвых душ* Русь-тройка является почти Богом избранной страной, а «дают ей дорогу другие народы и государства» (Гоголь 2012: 232). У Лосева же, хотя озадаченность направлением этой тройки (Гоголь — «Русь, куда ж несешься ты, дай ответ?»; Лосев — «куда она летит?») и повторяется, то внимание сосредоточено прежде всего на том, что Русью-тройкой «никто не управляет», в силу чего ее полет угрожает как, в первую очередь, ей самой, так и её окружению. Можно ли подразумевать, что причиной такого «слепого» бега является пьянство — неизвестно...

В приведенном выше отрывке — из-за присутствия мотива трактирной стойки — можно усматривать еще и интертекстуальные связи со стихотворением Блока «Я пригвожден к трактирной стойке...» 1908 года. Тем более, что и в стихотворении Блока присутствует мотив тройки, но блоковская тройка воспринимается совсем по-другому, чем тройка в *Мертвых душах*. Она уезжает и увозит счастье говорящего «я»:

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё — равно.
Вон счастье мое — на тройке
В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Серебристой мглой из-под подков...

(Блок 1997: 116–117)

Интереснее станет, если присмотримся к дополнительным информциям, касающимся этого стихотворения. Оказывается тогда, что, с одной стороны, на блоковское видение тройки могло повлиять описание ее Гоголем, а с другой, что блоковская тройка (а точнее — следующий за черно-

³ В одиннадцатой главе первого тома *Мертвых душ* рассказчик сначала восхищается бегом (полетом) тройки («Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?» — Гоголь 2012: 232), а в очередном абзаце выстраивает аналогию между тройкой и Русью («Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади» — Гоголь 2012: 232).

виком стихотворения прозаический набросок⁴) могла в свою очередь повлиять на осмысление Руси-тройки в стихотворении Лосева⁵. В итоге можно прийти к выводу, что образ Руси-тройки в стихотворении Лосева содержит в себе элементы гоголевского и блоковского текстов. Все же связывается с упомянутой в первой строке «отрывка» «попойкой» или даже является ее последствием.

Одним из более интересных с точки зрения занимающей нас проблематики алкоголя/пьянства является стихотворение «Нетрезвость» из сборника *Послесловие* 1998 года, в котором напечатаны стихотворения, написанные в 1996–1998 гг. В предисловии к сборнику Лосев пишет, что «через несколько недель после смерти Иосифа [Бродского — *R. B.*] у меня стал возникать цикл стихотворений, прямо или косвенно связанных с его памятью («стихов заупокойный лом»), и в них, против принятого правила, было много от него — его слова, его интонации, иногда прямые цитаты». Но «Нетрезвость» — если доверять Лосеву — к числу этих стихотворений не принадлежит. Хотя, с другой стороны, как раз в тексте упоминается «пустота», о которой говорит Лосев, что она «продолжала расти <...> там, где должен был быть Бродский». Кроме того, «пустота» является одним из важнейших мотивов поэзии Бродского (см. по этому поводу Лотман 1996, Яровой 2020).

НЕТРЕЗВОСТЬ

«В левом углу, чуть правее... да-да,
где вместо ёлки стоит пустота,
рядом на полке портрет Соловьёва
с дикою зарослью в области рта».

«Я ничего там не вижу такого
в области автора «Антихриста».

«Свет бы включить — не видать ни черта!»
«Видишь, где Фрейда обложка тверда
рядом с приятными бреднями Юнга,
как бы проблёскивает черта —
это стекает время, как слюнка
из приоткрытого спящего рта».

⁴ «И вот поднимается тихий занавес наших сомнений, противоречий, падений и безумств: слышите ли вы [то (...)] задыхающийся гон тройки? Видите ли ее, ныряющую по сугробам мертвой и пустынной [России] равнины? Это — Россия летит неведомо куда — в сине-голубую пропасть времен — на разубранной своей и разукрашенной тройке. Видите ли вы ее звездные очи — с мольбою обращенные к нам: — Полюби меня, полюби красоту мою! — Но нас от нее отделяет эта бесконечная даль времен, эта синяя морозная мгла, эта снежная звездная сеть. — Кто же проберется навстречу летящей тройке [...] тропами тайными и мудрыми, кротким словом остановит взмысленных коней, смелой рукою опрокинет демонского ямщика и ...» (Блок 1997: 836).

⁵ Об отношении Лосева к поэзии Блока см. Арьев 2012. Следует здесь сказать, что Арьев определяет это отношение как «нелюбовь», но по-видимому (что замечает и исследователь) все не так уж просто и однозначно.

«Где ты набрался подобных химер?»
 «В детстве, должно быть, когда, например,
 нас обучали вальсу-бостону,
 а приучили к музыке сфер».
 «Вас научили мечтанию пустому,
 а с алкоголем полегче бы, сэр!»

«Спирт задубелый со льдом и водой
 перемешаю, и псевдосвятой
 мне улыбнётся в своем ледерине...»
 «Не уходи, не... Куда ты? Постой!»
 «Я уплываю на призрачной льдине,
 руководимый незримой звездой».

Стихотворение имеет вид переключки реплик двух неопределенных голосов, то ли двух разных персонажей, то ли галлюцинирующей какой-то одной раздвоенной личности — весь текст составляют взятые в кавычки (т. е. как «чужое» слово) высказывания. Все же происходит в темной комнате (один из собеседников досадуя восклицает «Свет бы включить — не видать ни черта!»).

Разговор начинается попыткой Голоса 1 (скажем: Хозяина) что-то показать в углу комнаты другому (скажем: Гостю). На это нечто Хозяин пытается навести взгляд своего Гостя перечисляя и уточняя пространственные координаты и детали угла. Он как будто прослеживает за рукой или за движением головы/взглядом собеседника⁶.

Почти с самого начала подсказки Хозяина отличаются от типичных высказываний такого типа. Если в первых словах он указывает направление (приблизительное расположение) объекта поиска с помощью типичных пространственных координат (право, лево), то уже в очередной строчке вместо продолжения такой речи вдруг заговаривают об отсутствующем. Слова о том, что «вместо елки стоит пустота» подсказывают и то, что в данном месте должна стоять (или стояла в прошлом) именно елка, что можно интерпретировать как указание на рождественское или новогоднее время. И Рождество, и Новый год — символическое время своеобразной перемены и/или возобновления жизни. Елка же — в зависимости от условий и культурного контекста — является символом вечной жизни (из-за вечно зеленых веток) или своеобразным медиатором между тем и этим миром. Елка связывается у славян и с похоронной и поминальной обрядностью (см. *Славянские древности...* 1999: 185). В любом случае своеобразная «подмена» в мире стихотворения елки пустотой на символическом уровне вполне обоснована. Сам же акт этой «подмены» обоснован в свою очередь временными условиями (рождественско-новогодний период). Го-

⁶ Исходная ситуация может рассматриваться и как своеобразное раздвоение. Такое раздвоение очень напоминает бредовое состояние Ивана в Братьях Карамазовых, когда Иван спорит с чертом и бросает в него стакан с чаем... все дано очень реально, но посетивший Ивана черт на деле лишь плод Иванова воображения.

воря об отсутствии елки и пустоте, хозяин как будто стремится показать своему собеседнику то, чего нет, нечто незримое, но, с другой стороны, — предчувствуемое (по крайней мере им самим)⁷.

Очередная подсказка на первый взгляд уточняет местоположение «объекта» — он соотносится с другим предметом — с портретом Соловьева. Такое определение, а точнее — его стиль (и присутствие такого портрета в квартире) косвенным образом говорят и о самом говорящем (Хозяине). Он говорит об изображаемом на портрете персонаже (известном русском религиозном мыслителе, поэте и публицисте) с некой бесцеремонностью если не пренебрежительностью. Если само присутствие портрета Соловьева в квартире/комнате можно рассматривать как своеобразное доказательство принадлежности хозяина к интеллигенции, то его речь (особенно если учесть заглавие стихотворения) можно считать признаком нетрезвости. Что касается самого портрета, то его точная идентификация почти невозможна, поскольку в случае большинства известных нам портретов Соловьева он дается именно с бородой и усами. Судя по приписываемой изображенному «дикой заросли в области рта» можно все-таки предполагать, что имеется в виду его портрет 1895 года кисти Николая Ярошенко или ему подобный⁸. По всей вероятности, точная идентификация тут и не нужна — важно, что упоминается именно Соловьев и его работа *Краткая повесть об Антихристе*. Причем в мире стихотворения заглавие книги Соловьева приводится в модифицированном виде — как «Антихрист». Важно и то, что несмотря на такое уточнение локализации «объекта», Гость не в состоянии его найти.

В ответ тому Хозяин подсовывает новую подсказку, в которой — как можно подразумевать — в качестве очередных координат упоминаются книги Фрейда и Юнга, т. е. основателей психоанализа. Причем если в случае Фрейда говорится только о «твердой обложке» книги, то по отношению к Юнгу ситуация более сложная. Тут не говорится о внешнем виде книги, а о ее содержании. Хозяин злобно и иронически оценивает работу (или всю концепцию) Юнга как «приятные бредни», т. е. с одной стороны — что-то положительное, но общий смысл считается бесполезным или даже лишенным какого-либо глубокого смысла.

На самом деле тут едва ли возможно точно определить, идет ли речь об очередной координате или же о совсем новом предмете/явлении. Хозяин говорит о течении времени. И в этом случае повторяется ситуация, когда

⁷ Следует тут досказать, что в русской народной культуре угол, между прочим, считается и опасным, демоническим локусом (см. *Славянские древности...* 2012: 343–344). Угол вызывает ассоциации с углом и самоубийством Ставрогина в Бесах Достоевского. С другой стороны, он является и положительным местом — в красном углу русской избы помещаются иконы (а в советское время и портреты партийных вождей). Там обычно ставили прежде сноп, затем ёлку (до революции и потом, когда ёлку снова разрешили).

⁸ Заросли рта Соловьева — едва ли случайны, возможно это намек на Диониса-сатира, но и место обитания пифии, изречения мудростей. потом оттуда потечет струйка слюны (может слов). Своеобразный источник речи. Заодно здесь уместна и ассоциация с Хроносом, пожирающим своих детей.

один из участников разговора пытается показать другому то, чего увидеть невозможно. На первый взгляд Хозяин говорит о том чём-то как о действительно существующей вещи (проблескивающей черте). Но на самом деле все описание еще раз показывает, что речь идет о неопиываемом. Говорящий, вместо перечисления и/или характеристики конкретных предметов и явлений, употребляет сравнения («как бы проблескивает черта», «как слюнка»). Иначе говоря, предмет описания тут ускользает от возможности прямой словесной характеристики — его можно постичь, лишь сравнивая его с другими, понятными слушателю предметами. И так, течение времени напоминает говорящему (с некой точки зрения) проблескивающую черту. «Проблескивание» подсказывает, что даже сравнение с чертой следует считать в мире стихотворения слишком «точным» — ведь само слово «черта» вызывает еще относительно точные соображения (время, описываемое как черта, — это просто время линейное), но если она «проблескивает», тогда надо подразумевать, что она неоднородна/прерывистая. Кроме того, сравнение с чертой продолжается очередным сравнением. Это второе сравнение, с одной стороны, является буквальной реализацией фразеологизма «течение времени» (время напоминает текущую изо рта спящего человека струйку слюны). С другой, оно получает тем самым отрицательную оценку из-за неприглядного вида.

Высказывания Хозяина его собеседник называет химерами, спрашивая при этом откуда он их «набрался». Тот отвечает, что это могло произойти в детстве, когда «нас обучали вальсу-бостону, / а приучили к музыке сфер». Высказывание Хозяина указывает общий принцип, по которому он в состоянии видеть незримое и воспринимает мир в его символическом измерении. Этот принцип состоит в переходе от реального и практического к абстрактному и идеалистическому⁹. С другой стороны, вальс-бостон (иначе кросс-степ вальс) можно с определенной точки зрения рассматривать как противоположность музыки сфер. На самом основном уровне первый из них связан с настоящей, слышимой музыкой, тем временем, как пифагорейская музыка сфер доступна не человеческому уху, а разуму (она неслышимая, но подразумеваемая). Кроме того, в вальсе-бостоне первый счет такта начинается с т.н. «крестного шага», который нарушает однообразность/монотонность танца, тем временем, как неслышимая «музыка сфер» поэтому и неслышима, что однородна.

Ответ собеседника можно рассматривать как своеобразную двойную оценку реплики хозяина. С одной стороны, он относится к его словам о течении времени и музыке сфер, с другой — по всей вероятности усматривает причину такого высказывания в количестве выпитого им алкоголя («а с алкоголем полегче бы, сэр!»). В таком случае, в глазах собеседника (Гостя) всякие более абстрактные или метафизические рассуждения явля-

⁹ Следует досказать, что «музыка сфер» один из мотивов поэзии русских символистов, особенно Блока и его *Возмездия*.

ются просто пьяным бормотанием и не имеют никакого глубокого смысла. Следует тут досказать, что вторую строчку этой реплики Гостя (из-за того, что она завершается восклицательным знаком) можно интерпретировать и как реакцию на какую-то алкогольную активность Хозяина.

Тот прямо говорит о спирте, который он, так сказать, кощунственно перемешает со льдом и водой, т. е. ослабляя его духовность, его spirit¹⁰. По его словам, после этого возникший «псевдосвятой» ему «улыбнется в своем ледерине...». Поскольку в быту «ледерин» — материал для переплёттов (на тканевой или бумажной основах), а в словесном (поэтическом) плане звучит как производное от разбавляющего spirit льда, то в «псевдосвятом» следует по всей вероятности усматривать главного героя упомянутой в начале стихотворения книги Владимира Соловьёва, т. е. Антихриста.

Высказывание хозяина можно читать как описание влияния алкоголя на говорящего (у него обман зрения). Тем более, что сразу же после этого он — по словам его собеседника — «уходит». И хотя можно считать, что он уходит и в буквальном смысле, то его последнее высказывание приводит к выводу, что возможен тут и уход в метафорическом смысле — к абстрактному, идейному миру, ведомый «незримой звездой». Сам говорящий («хозяин») похож тут на (тоже незримое) время — ведь он говорит, что «уплывает», время же «стекает»...

В стихотворении Лосева заглавная нетрезвость неоднозначна. Она присутствует в своем буквальном виде, но в главном она получает в мире стихотворения метафорическое осмысление. Метафорическая «нетрезвость» не что иное как вера (предчувствие) в незримый, нематериальный мир. Это метафизический элемент человеческой жизни.¹¹

ЛИТЕРАТУРА

- Арьев Андрей. „Table-talk“: Лосев и Блок, *Звезда* 12 (2012) [пользуюсь электронной версией по сайту <https://magazines.gorky.media/zvezda/2012/12/table-talk-losev-i-blok.html> — доступ 28.10.2022]
- Блок Александр. *Полное собрание сочинений и писем*. В 20 т. Т. 3. *Стихотворения. Книга третья (1907–1916)*. Москва: Наука, 1997.
- Гоголь Николай. *Полное собрание сочинений и писем*. В 23 т. Т. 7. Кн. 1. Москва: Наука, 2012.
- Казак Вольфганг. *Лексикон русской литературы XX века*. Москва: РИК «Культура», 1996.
- Корчагин Кирилл. *Что такое поэзия «филологической школы»* <https://arzamas.academy/mag/733-philology> (доступ 18.10.2022)
- Куллэ Виктор. «Спасибо». Виктор Куллэ, Владимир Уфлянд (сост.). *Филологическая школа. Тексты. Воспоминания. Библиография*. Москва: «Летний сад», 2005.
- Лосев Лев. *Стихи*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2013.

¹⁰ Лед повторяется в ледерине, и отсылает к мотиву льда в адском мире. Иначе совсем пропадает мотив Антихриста (и отчасти химер).

¹¹ По поводу темы алкоголя и пьянства в поэзии Лосева см. Faruno 2017: 34–38. *Натюрморт* Лосева здесь разбирается в главке: *Натюрморт с луком и огурцом Льва Лосева*, с фокусом на русском выпивоне и на технике Лосева словесно изображать опьянение до настоящего натюрморта.

- Лотман Юрий, Лотман Михаил. «Между вещью и пустотой (Из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Урания»»). Лотман Юрий. *О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи. Исследования. Заметки*. Санкт-Петербург: «Искусство—СПб», 1996: 731–746.
- Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого. Том 2: Д–К (*Крошки*). Москва: Международные отношения, 1999.
- Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого. Том 5: С (*Сказка*) — Я (*Ящерица*). Москва: Международные отношения, 1999.
- Яровой Виталий. *Бродский и пустота*, https://zavtra.ru/blogs/brodskij_i_pustota (доступ 29.10.2022)
- Faryno Jerzy. «Луковицы и огурцы». *Культура и текст* 4/31 (2017): 7–72. (электронный вариант текста см. https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2017/12/Faryno_4_2017.pdf — доступ 30.10.2022.

REFERENCES

- Ar'yev Andrey. „Table-talk“: Losev i Blok, *Zvezda* 12 (2012) <<https://magazines.gorky.media/zvezda/2012/12/table-talk-losev-i-blok.html>>
- Blok Aleksandr. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*. V 20 t. T. 3. Stikhotvoreniya. Kniga tret'ya (1907–1916). Moskva: Nauka, 1997.
- Faryno Jerzy. Lukovitsy i ogurtsy. *Kul'tura i tekst* 4/31 (2017): 7–72. (https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2017/12/Faryno_4_2017.pdf)
- Gogol' Nikolay. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*. V 23 t. T. 7. Knj. 1. Moskva: Nauka, 2012.
- Kazak Vol'fgang. *Leksikon russkoy literatury XX veka*. Moskva: RIK «Kul'tura», 1996.
- Korchagin Kirill. *Chto takoye poeziya «filologicheskoy shkoly»* <https://arzamas.academy/mag/733-philology>
- Kulle Viktor. Spasibo. Viktor Kulle, Vladimir Uflyand (sost.). *Filologicheskaya shkola. Teksty. Vospominaniya. Bibliografiya*. Moskva: «Letniy sad», 2005.
- Losev Lev. *Stikhi*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2013.
- Lotman Yuriy, Lotman Mikhail. “Mezhdru veshch'yu i pustotoy (Iz nablyudeniy nad poetikoy sbornika Iosifa Brodskogo «Uraniya»)”. Lotman Yuriy. *O poetakh i poezii. Analiz poeticheskogo teksta. Stat'i. Issledovaniya. Zametki*. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo—SPb», 1996: 731–746.
- Slavyanskiye drevnosti*. Etnolingvisticheskiy slovar' pod obshchey redaktsiyey N. I. Tolstogo. Том 2: Д–К (*Kroshki*). Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1999.
- Slavyanskiye drevnosti*. Etnolingvisticheskiy slovar' pod obshchey redaktsiyey N. I. Tolstogo. Том 5: С (*Skazka*) — Я (*Yashcheritsa*). Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1999.
- Yarovoy Vitaliy. *Brodskiy i pustota*, https://zavtra.ru/blogs/brodskij_i_pustota

Роман Бобрин

„У РУСИЈИ СЕ СВЕ ЗАВРШАВА ПИЈАНКОМ...“
АЛКОХОЛ И ПИЈАНСТВО У ПОЕЗИЈИ ЛАВА ЛОСЕВА (СКИЦЕ НА ТЕМУ)

Резиме

Лав Лосев (1937–2009) емигрирао је у САД 1976. године. Прва два тома његове поезије издата су у емиграцији, а наредни томови почевши од 1988. године штампани су у Русији. Поезија Лосева писана је без интервенције цензуре, зато се о многим проблемима говори отворено. Први зборници поезије Лосева јасно указују на проблем свакодневнице у совјетској Русији, укључујући и пијанство, свеприсутно у руској култури. Лосев, песник који припада такозваној „филолошкој школи“, говори о томе кроз цитате и алузије на класике руске књижевности.

Кључне речи: Лав Лосев, руска поезија XX века, мотив пијанства, алкохол — мотив.